

Казалось, он наконец увидел сквозь слои тумана истину этого мира. Осталось только подтвердить их одну за другой и связать эти разрозненные улики в целое ожерелье.

Кого они собирались искать?

Его взгляд переместился на старшего внука-игрока в траурном зале.

В этот момент до полуночи оставалось меньше получаса.

«Айё¹, мой желудок не в порядке, мне нужно пойти на задний двор». Жэнь Ифэй прикрыл живот и встал.

Этот ночной сторож забеспокоился: «Ты что-то не то съел?»

«Я вернусь позже. Прибереги немного арахиса для меня», сказал он, уходя.

«Ладно, ладно, поторопись и уходи».

Он не ушел далеко, вместо этого поймал NPC.

«А Фэй, что ты хочешь от меня?» На лице пойманного ночного сторожа отразилось выражение вины, только что он прятался на кухне, чтобы украсть немного еды.

«Это так, — сказал Жэнь Ифэй, прикрывая живот, на его лице отразилось нерешительность, но, в конце концов, он сдался. — Первоначально этот вопрос мне объяснила моя невестка, позаботься об этом для меня...»

Он повторял то-то и то-то, топая ногами, имитируя действия кого-то с желанием пойти в туалет, «... и именно это и произошло».

- Ладно, я тебя провожу, иди скорее.

- Тогда придется тебя побеспокоить.

Через некоторое время в траурный зал вбежал ночной сторож и сказал несколько слов старшему внуку, который сжигал бумагу, лицо старшего внука слегка изменилось, прежде чем он вышел за ним.

Другие игроки уставились на него, но так как для них еще не было времени свободно двигаться, никто не двинулся с места.

Скоро будет полночь, так что ничего не случится... верно?

Старший внук-игрок вышел на задний двор, а ночной сторож за ним не последовал.

Кто распространил слух, что «невестка сказала, что у нее проблемы с желудком»? Может ли быть так, что жена старшего внука не умерла?

Поскольку еще не было полуночи и информация на карте не обновлялась, старший игрок-внук не был слишком уверен, несмотря на то, что он раздавил ее насмерть, а что если? Что, если у противника все еще был какой-то особый, нарушающий правила, спасительный реквизит в руках?

- Ты пришел? - раздался вдруг сзади немного злой и резкий голос жены старшего внука.

Она не умерла?

У старшего внука по коже побежали мурашки, он сунул руку в карман штанов, в котором был спасительный реквизит, и быстро изобразил на лице добрую улыбку: «Это всё ошибка...»

Однако перед его лицом появилась черная тень, а по шее был нанесен сильный удар.

«Черт, это была ловушка...» Старший внук внезапно потерял сознание. Прежде чем потерять сознание, он как будто увидел высокую тонкую тень.

Жэнь Ифэй положил лопату в руки и подождал несколько секунд, чтобы убедиться, что он не притворяется, что потерял сознание, прежде чем достать из кармана кусок конопляной веревки, используя особый метод, чтобы связать руки и ноги.

Это был метод, который пираты использовали для связывания людей в прошлом. Чем больше они борются, тем сильнее затягивается веревка.

Как только движения старшего внука были ограничены, Жэнь Ифэй достал из кармана карту, которую он получил от жены старшего внука.

Карта была помещена на тело старшего игрока-внука, но ничего не произошло.

Он подумал об этом на мгновение и забрал карту старшего внука-игрока. Он пришел с мини-предметом в форме ключа и кольцом, которые он не узнает.

Золотые слова «жена старшего внука» тут же появились над головой старшего игрока-внука.

Уголки рта Жэнь Ифэя слегка приподнялись: это действительно было так.

Метод, который бабушка Чун Чжи использовала, чтобы одурачить игроков, он нашел.

После получения этой информации следующим шагом будет выяснить, как «найти» призрака-убийцу.

Он подтащил старшего внука-игрока к сухому колодецу, снял крышку и большой камень, прежде чем с трудом бросить человека туда.

Колодец узкий, и старшего внука игрока швырнуло в него вертикально, стряхнув много мусора.

Жэнь Ифэй отряхнул руки и вздохнул.

Сила, которую применил Жэнь Ифэй, была очень точной, старший игрок-внук недолго оставался без сознания и вскоре проснулся, плача после падения.

Он очнулся и обнаружил себя в узком, сухом цилиндрическом колодце с неожиданно связанными руками и ногами, неспособным двигаться. Старший внук поднял глаза и увидел освещенную сзади тень, которая явно принадлежала мужчине.

Мужчина... он прокручивал в уме несколько человек, сравнивая их фигуры одну за другой: «Ты девятый человек?!»

Призрак?

Нет, он еще не разоблачен, а значит, не будет приоритетом для «призрака». Вдобавок ко всему, эта фигура почему-то казалась немного знакомой.

Жэнь Ифэй ничего не говорил, он просто засыпал землю лопатой в колодец. Грязь попала на лицо старшему внуку, заставив его чихать и кашлять.

Это вдруг погасило его рациональность и спокойствие: «Чего ты хочешь? Ты здесь за картой Призрака Тысячелетия? Если это так, разве мы не можем это обсудить?»

Однако ему ответили лопатой за лопатой грязи.

Этот парень пытался похоронить его заживо?

Старший внук начал сопротивляться, но не зная, как привязана веревка, чем больше он сопротивлялся, тем туже она становилась. Человек сверху не проронил ни слова, только

сгребал грязь в размеренном темпе, по очереди, не слишком медленно и не слишком быстро, его психологическое состояние в этот момент было чертовски нехорошим².

Он видел таких людей раньше, они выглядели честными и тихими, но у них действительно безжалостный характер.

Могло ли случиться так, что он собирался умереть вот так в игре для новичков?

«Я знаю, кто этот «призрак»! Именно бабушка Чун Чжи, ее ролевая личность... ее личность, это «дворник»! Да, это должен быть он, он всегда был с Суном».

Чувствуя угрозу смерти, старший внук начал паниковать.

«Я знаю еще нескольких игроков, этого "осветителя ламп", который тоже должно быть здесь за картой Призрака, и ещё...»

Движение лопаты наверху на некоторое время замедлилось, старший внук-игрок смотрел безучастно, убежденный, что его уговоры подействовали.

Он подавил желание чихнуть и продолжил: «Опознать «призрака» легко, это можно сделать, раскрыв его истинную личность. Однако, чтобы подчинить его себе и сделать его твоей карточкой, ты должен сражаться и побеждать, чтобы получить карту».

Фигура положила лопату.

«У меня есть секретный реквизит, чтобы усмирить босса, я могу тебе помочь!» Старший внук раскрыл свой козырь: «Право, ты должен мне поверить! Ты можешь взять его и пощадить мою жизнь».

Фигура выше долгое время не двигалась, заставляя старшего игрока-внука думать, что другая сторона была перемещена. Неожиданно мужчина присел на корточки и поднял крышку, чтобы закрыть колодец, после чего послышался приглушенный звук тяжелого предмета.

Страх быть похороненным заживо разрушил возвышающееся высокомерие ветерана-игрока, и он запаниковал, крича и взывая о пощаде, его голос эхом отдавался в колодце.

Оставалось меньше четверти часа.

Под лунным светом Жэнь Ифэй полуприсел у ведра, чтобы вымыть руки, считая время в своем сердце.

Он медленно и методично вымыл каждый палец и тщательно вычистил под ногтями. Голос в сухом колодце постепенно стих, и после короткой тишины послышались громкие ругательства.

Жэнь Ифэй встал и пожал себе руки, прежде чем пойти к задней двери.

С каждым шагом мир немного темнел, а через несколько шагов его мир стал совсем темным. Луч круглого света упал с неба и осветил лицо.

Жэнь Ифэй прошел мимо «второго внука», который умер первым.

Он висел на белой ткани, покачиваясь, лицо его было полно смятения и борьбы. Налитый кровью взгляд второго внука следовал за Жэнь Ифэем, пока он не прошел мимо него, и мир снова погрузился во тьму.

Вторым появился старший внук, он стоял в пересохшем колодце и ругался.

Ради наживы он убил жену старшего внука не раздумывая, как гиена, свирепая и ненасытная, но ему не терпелось. Он оставил слишком много следов и не знал, как их убрать.

Жэнь Ифэй взмахнул рукой, и фигура старшего внука исчезла в темноте.

Перед его глазами появились осветитель лампы и Сяо Мэй.

Осветитель был игроком-ветераном, самым грозным игроком, он был осторожным, смелым и находчивым.

Был также новичок, который очень хорошо использовал возможности, Сяо Мэй.

По сравнению с ней дворник был не более чем орудием, вернее, свидетелем смерти.

В темноте одновременно появились на свету образы старухи, Суна и монаха, все они подняли головы.

Три пары глаз одновременно посмотрели на Жэнь Ифэя, он тоже посмотрел на них.

Медленно изображения трех человек наложились друг на друга.

Перед его глазами возникло видение:

Женщина средних лет давит на борющиеся руки и ноги старухи.

Мужчина средних лет схватил пеньковую веревку и с силой затянул ее.

Их вены сильно вздулись, в отличие от их верного и честного вида в траурном зале, их лица напоминали злых духов.

Руки старшей царапали воздух, оставляя царапины на подлокотниках. Ее маленькие круглые глаза были налиты кровью, она, казалось, плакала и смеялась, но было какое-то кошмарное чувство искажения.

«Ради репутации моей семьи, мама, пожалуйста, покойся с миром, мама».

«После твоей смерти я буду сопровождать твой дух в течение семи дней, приглашу верховных жрецов читать для тебя сутры, сжигать для тебя золотые и серебряные сокровища и молиться о твоей славе и процветании в следующей жизни».

Таким образом, земля проросла красным лотосом, читались священные писания Будды, гроб был обернут золотой бумагой и серебряной бумагой, удерживая тело с неразрешенными обидами.

Жэнь Ифэй сделал шаг в заднюю дверь траурного зала, в его глазах вспыхнуло черное и белое, иллюзия отступила, и туман рассеялся.

Впереди гроб и группа людей, это была сцена траурного бдения.

[То, что ненавидят люди, ненавидит «призрак».]

[Секрет "призрака" был съеден крысами и муравьями, как и его сердце.]

«Иногда я не могу отличить человека от призрака, наверное, потому, что не знаю, что страшнее».

В левой части траурного зала монахи пели священные писания, а «монах» находился в дальнем углу.

Яркие алтарные лампы не могут осветить этот маленький мир. Он был ко всем спиной, а по его голове полз паук, наполовину сплетая паутину.

Жэнь Ифэй подошел и сел рядом с ним.

«Бабушка не хочет поесть арахиса? Я тебе его очистил», - он выудил горсть арахиса со снятой красной кожурой.

«Монах» задрожал.

«Как мог игрок А'Сун повторять, что двое детей целый день голодны? У этого человека голова так забита азартными играми, что он даже не придет. Только старшие, которые искренне думают о своих младших, могут быть такими осторожными. не так ли, бабушка Чун Чжи или, может быть, Сун?»

«Монах» со сморщенной шеей поднял голову, его руки были покрыты морщинами с зеленовато-черными венами, расползающимися по поверхности сморщенной кожи. Он был Суном, но и не Суном, его лицо превращалось во что-то другое.

Фэй ел арахис в одиночестве, и, возможно, арахис испортился, потому что после того, как он съел один, его глаза стали немного красными.

Он медленно выдохнул: «Вы сняли с себя подозрения, убив монаха, а затем притворились им, верно?»

Лицо, полное морщин с зеленовато-фиолетовыми сосудистыми звездочками и налитыми кровью глазами, принадлежало бабушке Чун Чжи.

В ее глазах было замешательство: «Кто ты? Ты не Сяо Фэй?»

Жэнь Ифэй резко втянул носом, повернул голову и потер лицо рукавом, оставив два слабых водяных пятна, прежде чем снова улыбнуться ей, сияя, как беззаботный юноша: «Бабушка, я помню, ты схватила горсть конфет для меня на Новый год».

Бабушка Чун Чжи вдруг замолчала, знакомое лицо и знакомое выражение заставили ее вспомнить сладкие воспоминания о прошлом. Вместе с детьми и внуками она чувствовала, что прожила свою жизнь не зря, даже спина ее согнулась от того, что она несла все полученное счастье.

«Ты прошел этот уровень, — сказала она, — игра окончена».

Не плачь, не о чем грустить, она так давно умерла, умерли даже ее дети и внуки.

По мере того как она говорила, ужасное лицо в момент ее смерти медленно превращалось в лицо обычной старухи с нежностью, выраженной в чертах ее лица и глаз.

«Бабушка, сколько времени осталось?»

Бабушка Чун Чжи никогда не думала, что будет разговаривать с игроком в такой спокойной манере, она даже не заметила любящего выражения, которое она давала, глядя на Жэнь Ифэя,

«Четверть час».

«Этого было бы достаточно».

Когда дело дошло до актерского мастерства, если режиссер не говорит «стоп», пьеса не должна останавливаться.

До конца спектакля оставалось еще четверть часа, так что он все еще был А'Фзем в течение этих четверти часа.

Хотя А'Фэй был ленивым человеком, он был сыновним ребенком, который уважал своих старших.

Его душа была подобна палящему солнцу; белое было белым, а черное было черным, он не знает о «покорности судьбе», он не знает о «соответствии с нормами».

«Слишком долго было темно, и нет дневного света».

Жэнь Ифэй встал и, засучив рукава, пошел: «Бабушка, посмотри на этот траурный зал, люди не похожи на людей, а призраки не похожи на призраков. Распеваемые священные писания используются, чтобы подавлять вас, церемония клана также подавляет вас, это очень горько. Я могу поднять это для вас».

Бабушка Чун Чжи замерла, когда ее глаза расширились, она смотрела ему в спину, когда он подошел к гробу.

Тканевые туфли ступали по полу, но звук был такой, будто бьют по металлу и обнажают мечи.

Даже почувствовавший неладное и наблюдавший за ними «осветитель ламп» замер, масленка в его руке вылила на землю кунжутное масло.

Этот ребенок, что он пытается сделать?

1. □□ : āiyō - здесь использовалось эй / ой / ой / междометие боли или удивления.

2. Здесь использовалась ТМ, это форма ругательства, похожая на выражение «твою мать».

<http://bllate.org/book/15647/1398968>